

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
1. ПЕРВЫЙ ШАГ	10
2. МИСТИК	20
3. АКЦИИ И БОГ	41
4. ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ	60
5. ОТ \$15 ДО \$250 000	77
6. «ПОРШЕ» И КОЕ-ЧТО ЕЩЕ	105
7. ОТРЕЧЕНИЕ	123
8. СИДДХ	135
9. ОТПУСКАЯ ВСЕ	147
10. «ДЖИ, БАБА»	162
11. СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ	177
12. В ПЕЩЕРЕ	191
13. ГИМАЛАЙСКИЕ ЛЕСА	209
14. РЕАЛИЗАЦИЯ	236
15. ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ	246
Эпилог	261
Благодарности	265
Об авторе	269

Пусть мы будем только благое слышать ушами и только благое видеть глазами. О, Божественное, пусть будем вести жизни, наполненные здоровьем и удовлетворенностью, и петь Тебе хвалы, пока длится жизнь, нам дарованная.

(РИГВЕДА 1.89.8)

ПРОЛОГ

На мой взгляд, мы довольно-таки странный биологический вид. Нам почти все время хочется не того, что у нас есть, а чего-то другого. Потенциал альтруизма в нас так же огромен, как и потенциал эгоизма. Я знаю, о чем говорю, поскольку всегда считал себя добрым человеком и никак не ожидал, что могу причинять боль своим любимым. Однако, охваченный сильными желаниями, я легко, словно играючи, сделал именно это в отношении близких мне людей.

Однажды утром я проснулся, собрался, ушел на работу — и вечером не вернулся домой. Вместо этого я сел в поезд, и тот увез меня прочь от всей моей стабильности, от всего моего имущества и от людей, которых я любил. Я ни намеком не предупредил родных, просто взял и уехал, хотя прекрасно сознавал, что прохожу в этот момент точку невозврата.

Не скажу, что я не думал о чувствах своих близких. Такие мысли возникали, но я старался не давать им ходу, потому что слышал внутренний зов и должен был без промедления на него откликнуться.

Я больше не желал вставать по утрам, весь день работать, возвращаться вечером, ужинать и ложиться спать — не важно, что так поступают все и что это считается нормальной жизнью. Кто вообще решает, что нормально, а что нет? Если жить по правилам, созданным другими людьми, и соблюдать все их условия, то в чем же тогда смысл *моей* жизни, в чем моя личная цель — если таковая вообще существует?

Все предшествующее десятилетие я по крупницам накапливал деньги и всякое добро. Но в сухом остатке все банковские счета, имущество и машины — всего лишь мертвые безделушки. Они были такими всегда. У меня не было их при рождении, и я точно не возьму их с собой после смерти. Ради чего же мы так стараемся? И стоят ли наши цели таких усилий?

Бесчисленное количество раз я утешал себя обещанием, что однажды найду смысл жизни, но с годами оно потеряло свою успокоительную силу — его заглушили повторяющиеся вопросы, которые барабанной дробью звучали в голове. С каждым ударом их звук становился все громче и ближе. Он начал поглощать всю окружающую меня музыку: мелодичное пение птиц, шум дождя, сочувственные слова моей мамы и заботливые советы отца; обычные звуки меня уже не волновали и тем более не радовали.

Оставляя позади все, что я успел создать, разрушая все, что успел построить, и покидая всех, кого успел узнать, я не питал никаких сантиментов по отношению к своему прошлому. Оно было неинтересным и чужим. Как расцвет все больше стирает память о ночи, так и этот отъезд из материального мира стер всю мою жизнь, какой я ее знал.

Из интернет-кафе я отправил сообщения семье и друзьям — написал, что уехал и не знаю, когда вернусь и вернусь ли вообще. Не ощущая никаких эмоций, я удалил свою учетную запись, выбросил сим-карту, отдал кому-то телефон и распрощался с той материальной жизнью, которую вел три десятилетия. Сбрасывая ярлыки, которые раньше определяли меня — «сын», «брат», «друг», «генеральный директор», «бакалавр», «коллега», — я вышел из кафе и из старой кожи.

Новое бытие ощущалось как полная нагота — нет, не в физическом отношении, а в том, что я был никем и у меня не было ничего, даже имени и личных данных. Так живут монахи. Только в этом состоянии, которое можно назвать пустотой, я мог наполнить себя тем, чего так отчаянно искал — истинной внутренней жизнью.

1

ПЕРВЫЙ ШАГ

Расплатившись в гостинице, я вышел на людную улицу. Поискав глазами велорикшу, я помахал ему.

— Куда? — спросил водитель.

— На гхат.

— На какой? Их много.

К этому вопросу я был не готов. Откуда мне знать, сколько в Варанаси гхатов?

— Ну отвези меня на любой из них.

— Сэр, я не могу просто отвезти вас в первое попавшееся место. Вы же тогда скажете, что вам не сюда.

— Хорошо, назови какой-нибудь гхат.

— Дашашвамедха-Гхат.

— Отлично, вези меня туда.

Я не пользовался велорикшами с 1995 года. Тогда, 15 лет назад, я был подростком, и меня, теоретически, и практически, увлекало материальное. Сейчас, в тридцать лет, я развернулся ровно в противоположную сторону. Транс-

портное средство осталось тем же — просто поменялось направление; человек был тот же, но изменились его приоритеты.

Я предполагал, что направляюсь к тихому речному берегу — надо же было так ошибиться! На набережной толпилось невиданное количество людей — как сбивчивые мысли в голове, как муравьи вокруг мертвого жука.

Индия мне была не в новинку: в этой стране я прожил первые 18 лет своей жизни. Но почему-то я наивно ожидал увидеть в Варанаси другую Индию. У меня в голове прочно засел старый образ, взятый не из жизни, а из прочитанных мною средневековых текстов: древний город на Ганге под названием Каши, где на каждом шагу встречаешь ученых, святых, тантриков, йогинов и других духовных персонажей.

Я немного побродил без цели. Когда-то я слышал о Теланге Свами, просветленном, который жил в Каши столетие с лишним назад. Мне помнилось, что в том месте, где он ушел в самадхи, должен находиться монастырь. Воображение рисовало мне тихий прибрежный храм, вокруг которого в тени баньяновых деревьев восседают благородные садхаки и фокусируются на своей садхане под руководством почтенного гуру. Я расспрашивал встречных, но никто не слышал об этом монастыре.

Тогда я решил добраться до единственного места, название которого мне запомнилось — Маникарника-Гхат. Там, над рекой, находится кремационная площадка, на которой круглосуточно сжигают тела умерших. Я надеялся увидеть там какого-нибудь тантрика, который сидел бы и выполнял эзотерические ритуалы перед пылающими кострами. Я выдвинулся обратно к главной улице и там остановил другого велорикшу. Приближался полдень, и уже стоял жгучий зной. Я твердил себе, что сейчас всего лишь середина марта, но этот интеллектуальный бальзам не мог остудить мое тело.

— Отвезешь меня на Маникарника-Гхат?

— Да, сэр, но я не смогу доставить вас прямо на место. Довезу до ближайшей точки, а дальше вам придется пройти пешком.

— Сколько?

— Двадцать рупий.

Я запрыгнул на сиденье, и коляска медленно, но верно покатила в плотном потоке машин и повозок. Пару раз моему водителю приходилось соскакивать на землю и вручную протаскивать сквозь толпу свое транспортное средство. Я заметил, что он шел босиком — как будто не было ни палящего солнца, ни раскаленного, как угли, асфальта.

— Почему ты без шлепанцев?

— Я их купил, но в тот же день их украли у входа в храм.

— Я не знаю этот район. Останови, пожалуйста, возле обувного магазина. Хочу купить тебе новые шлепанцы.

— Я справлюсь, брат.

— Как тебя зовут?

— Махеш Кумар.

— Не волнуйся, Махеш, поездку я тоже оплачу.

Через пару минут я заметил маленькую обувную лавку. Махеш не очень хотел останавливаться, и мне пришлось буквально приказать ему это сделать. Спрыгнув на землю, я жестом позвал его за собой. Он смущенно повиновался.

— Добрый день, сэр, — сказал продавец и предложил мне сесть.

Я кивнул Махешу, опасливо стоящему у порога, и указал ему место рядом с собой на топчане. Он сел с явной неохотой.

Молодой продавец принес мне воды.

— Дайте ее Махешу, — сказал я. — Это он сегодня ваш клиент.

После этого я обратился к своему спутнику:

— Хочешь сандалии вместо шлепанцев? Они, наверное, лучше.

— На ваше усмотрение.

Продавец ушел в дальний угол магазина и вернулся с парой сандалий. Бежевые, с коричневыми ремешками и блестящими стальными пряжками, они выглядели очень удобными. Парень протянул сандалии Махешу.

— Пожалуйста, наденьте их ему на ноги, как любому другому клиенту, — вмешался я.

Махеш тревожно глянул на меня. Я посмотрел ему прямо в глаза и кивнул. Внезапно его лицо озарилось улыбкой, и он вытянул ноги, позволяя продавцу надеть на них сандалии. Я рассмотрел его темнокожее лицо с красивыми, правильными чертами, его неровные желтые зубы и большие счастливые глаза — и мне стало очень тепло. Его улыбка украсила мой день.

Теперь Махеш крутил педали с другим энтузиазмом, и его пыльные натруженные ступни в новеньких сандалиях как будто ожили. Я наблюдал за движениями его ног и педалей, и все остальное на время отступило: магазины, шум и жара. Я ничего не видел, кроме этих ступней, исполняющих какой-то космический танец. Вот педаль движется вверх, а потом вниз; все движется синхронно и без усилий.

Махеш привез меня в ближайшую точку к Миникарника-Гхату.

— Когда опять пойдешь в храм, не оставляй обувь у входа, — сказал я на прощание.

— Хорошо, не буду, — ответил он.

Я протянул ему купюру в 50 рупий.

— Сэр, как я могу взять с вас деньги?

— Возьми, пожалуйста. Я буду очень рад.

Он обошел вокруг коляски и опустился на колени, чтобы прикоснуться к моим ступням. Я схватил его за запястья и поднял обратно со словами:

— Кланяться нужно только в трех случаях — перед Богом, пожилыми людьми и твоим гуру.

Никто не заслуживает такой жизни,
которая разрушает тело и дух.
Этот человек живет
в демократической стране,
но стал ли он от этого свободным?

Я вложил купюру ему в ладонь и пошел вперед, думая, что Махешу не подходит профессия велорикши. Он мог бы стать клерком, охранником, офицером или менеджером. Никто не заслуживает такой жизни, которая разрушает тело и дух. Этот человек живет в демократической стране, но стал ли он от этого свободным? Государство его не защищает, а соплеменники не уважают. Он не свободен иметь крышу над головой и не может вырваться из своей изнурительной и монотонной повседневности. Очевидно, Махеш не знает слова «отпуск»; вряд ли ему известно, что такое роскошь — разве что «роскошь нужды». Его нужде не будет конца. Если вдуматься, между Махешем и мной нет разницы: мы оба сильно нуждаемся. Просто его нужды осязаемые и жизненно важные, а мои — абстрактные и добровольные.

Я постепенно пробирался к набережной. Вряд ли где-нибудь еще в Индии есть такие же узкие улочки, как в Варанаси. По крайней мере я таких не видел. Если у вас длинный нос, то, неловко повернув голову, вы наверняка что-нибудь заденете. Не знаю как, но в итоге я все-таки вышел на Маникарника-Гхат.

Там горел один костер и рядом догорал другой — среди тлеющей золы тут и там вспыхивали янтарные языки пламени. Вокруг виднелись глиняные черепки от разбитых сосудов. По индуистской традиции во время кремации нужно разбить кувшин с водой; это знак того, что душа умершего отсекла все связи с человеческим миром. Кувшин символизирует тело человека, а вода в нем — душу. Когда сосуд разбивают, душа освобождается.

Я не нашел там ни мудрецов, ни специалистов по оккультным наукам, ни высокоразвитых тантриков или йогин, которые кивнули бы мне, призывая следовать за ними к самоосвобождению. Вместо святых вокруг костров сидели торговцы, которые продавали дрова, листья бетеля и чай. Повсюду бродили бесчисленные люди, коровы, собаки и кошки.

Гхат меня разочаровал, и я снова начал расспрашивать о монастыре Теланга Свами. Из множества людей, к которым я подходил, всего один знал, о чем речь. Он указал мне направление. Я снова прошел по узким улицам между дряхлыми зданиями, готовыми рассыпаться в прах, и лавчонками, в которых продавалось все на свете. Увертываясь от суматошного транспорта, я брел по извилистым переулкам мимо домов, стоящих вплотную друг к другу, и детей, играющих рядом с припаркованными мопедами, и изо всех сил старался не наступать в лужи коровьей мочи и в кучи навоза.

Спустя 45 минут, усталый и потерявший надежду, я остановился. Я не нашел ни монастыря, ни людей, которые хоть когда-нибудь его видели. Присев на бордюр, я вытер пот со лба и задумался над тем, что делать дальше. Через пару минут я поднял глаза — прямо возле меня, чуть правее, висела табличка с надписью на хинди: «Теланг Свами Матх». Это был храм.

Я вошел внутрь. На месте, предназначенном для пуджари, сидел мужчина средних лет. У него все было круглым: голова, лицо, торс, живот, руки и ноги. Вслед за мной вошел парикмахер; он достал из сумки свои инструменты и начал брить

священника. Я тихонько ждал, наслаждаясь прохладой храма после удушливой городской жары. Через несколько минут парикмахер собрал свои вещи и ушел, не взяв никаких денег; видимо, у них был какой-то договор о постоянном обслуживании.

Я стал спрашивать священника о Теланге Свами, о его преемниках и монастыре. Тот сказал, что никакой линии преемственности не осталось. Ашрама тоже нет. Единственное, что есть — этот храм, но в нем нельзя жить, даже если вы способны платить за жилье.

Я чувствовал себя так, будто меня предали, хотя точно не знал, кто именно предатель.

— Вот здесь похоронен Теланг Свами, — круглый священник показал на дальний угол храмовой территории.

Я направился к могиле Теланга Свами, повторяя молитву: «Прошу, направь эту заблудшую душу, о Свами, чтобы я достиг того, за чем пришел».

Когда я собрался уходить, священник спросил, чего я, собственно, ищу. Я ответил, что приехал сюда в поисках гуру, поскольку хочу принять саньяса-дикшу монашеское посвящение. Он сказал на это, что мне не нужно принимать монашество, отречься от мира и искать гуру, а нужно жениться и жить нормальной жизнью.

Нормальной жизнью? Но ведь нет ничего такого, что можно назвать нормальной жизнью. То, что нормально с одной точки зрения, будет совершенно не нормальным с другой. Йогин скажет вам, что весь мир ненормальный, а люди ведут себя как животные, думая лишь о еде и размножении. А мир скажет, что йогин — балбес, который впустую прожигает штаны и вдобавок упускает столько возможностей насладиться жизнью.

Естественно, священнику я ничего такого не сказал. Не было смысла углубляться в беседу с человеком, который не способен понять ни мое отчаяние, ни мои мотивы.

Я вернулся к гхатам. Было около трех часов дня, и солнце жгло еще сильнее. Я не ел уже почти сутки. Утром мне не удалось найти ни одного заведения, в котором продавалось бы что-нибудь не жареное. В середине дня меня поглотили проблемы самореализации. Я уже пару часов не пил воды, и теперь желудок сигнализировал мне о реальности голода.

Не особо ориентируясь в пространстве, я не понимал, куда иду — к Ганге или от нее. Когда число людей на улицах существенно уменьшилось, я понял, что направление выбрано неверно. Однако впереди находилось несколько гостиниц, и я стал заходить в них в поисках свободной комнаты. Мне просто хотелось полежать в прохладном и тихом месте. Удивительно то, что в каждой гостинице мне задавали одни и те же вопросы — откуда я приехал, сколько нужно кроватей и на сколько дней, — а потом говорили, что у них все номера заняты. Это меня заинтриговало. Зачем нужна вся эта куча вопросов, если у вас все равно нет свободных комнат?

Я продолжал путь и вскоре оказался на берегу реки. В индуистских текстах много говорится о сакральном значении «Ганги Майи». Однако ее «дети» загрязнили Майю до невообразимости. Глядя на ужасное состояние реки, которая текла мимо меня, я качал головой от брезгливости и недоверия. Я видел Гангу в ее верхнем течении, до Харидвара, и там она была чистой; что же происходило здесь, в самом священном из всех городов, в Каши из моих фантазий? Я решил, что не буду здесь купаться. Однако в глубине души я выразил почтение «священной Ганге». Мама есть мама, как бы она ни была одета.

— Массаж?

Я посмотрел на стоящего передо мной мужчину.

— Мне нужен не массаж, а гид.

— Конечно, сэр. Я буду вашим гидом.

- Вы хорошо знаете этот район?
- Да, сэр.
- Сколько вы берете за услуги? Вы будете нужны мне до вечера. И может быть, завтра тоже.
- Можете заплатить мне сколько захотите.
- 250 рупий в день?
- Хорошо, сэр.
- Пойдемте.
- Я возьму вашу сумку, — любезно предложил он.

Только через несколько минут я осознал, что больше не несу никакой груз. Есть такое свойство у багажа — вы привыкаете повсюду таскать его на себе. Вы понимаете, что он много весит, но каким-то образом его вес становится частью вашей жизни. Только сбросив груз с плеч и ощутив легкость, вы вдруг осознаете, насколько он был тяжелым.

Мой новый проводник Маниш показал мне пару гостевых домов, и там мне задали все те же вопросы. В итоге он объяснил мне причину загадочного поведения гостиничных менеджеров: когда они не заняты работой и не смотрят крикет по телевизору, им очень хочется проводить время в общении с людьми. Свободных комнат нет, но поговорить с незнакомцем все равно приятно.

Не особенно преуспев в своих поисках ночлега, я попросил Маниша ответить меня в какой-нибудь крупной отель, но проводник ответил, что таких здесь нет. Тут я понял, что он на самом деле не знает город; просто он мне соврал. Но, как бы там ни было, я уже умирал от голода. Мы ухитрились отыскать джайнское кафе-дхабу, где готовили вегетарианскую еду без чеснока и лука. Я старался избегать этих продуктов, так что рецепты мне понравились — но сама еда оказалась безвкусной. Однако я был слишком усталым, чтобы

жаловаться, и вдобавок у меня болела голова. Так что я проглотил то, что было на тарелке, в то время как мой гид явно ел с удовольствием. Выйдя из дхабы, я купил в ближайшем киоске две бутылки охлажденной воды. Открыв первую, я вымыл лицо и остаток воды вылил на голову. Вторую бутылку я выпил залпом.

К шести часам вечера мы наконец решили вопрос моего ночлега — для меня нашлась комната в «Пуджа Гест Хаусе». Прощаясь с Манишем, я попросил его прийти на следующее утро.

Теперь у меня была комната, но спать я не мог из-за усталости и обезвоживания, о котором ясно свидетельствовал цвет моей мочи. Вот какой я, оказывается, хрупкий. Были времена, когда я каждый день играл в бадминтон, время от времени брал уроки гольфа, поднимал штангу и регулярно устраивал 20-километровые пробежки. Однако сегодня я провел всего один день в «реальном мире» — и вымотался до предела. Очевидно, что, уповая на свою спортивную подготовку, я просто льстил самому себе.

Я осознал, что физически совсем не готов к трудностям монашеской жизни. Если даже дневная жара кажется мне невыносимой — есть ли у меня шансы выдержать аскезу и строгий режим медитации? Я понятия не имел, как подготовить тело к такой суровой практике. Конечно, я понимал, что жизнь сама преподает все уроки. Нужно только быть открытым и готовым учиться.

Я лежал и думал о своем, пока еще мирском, пути.